

УДК 340

Ткачева Юлия Сергеевна

преподаватель кафедры юриспруденции,

Российский университет кооперации

Milena.555@mail.ru

Yulia S. Tkacheva

Lecturer of the Department of Jurisprudence,

Russian University of Cooperation

Milena.555@mail.ru

Особенности регулирования насилия как признака преступного деяния в уголовном законодательстве дореволюционной России

Features of the regulation of violence as a sign of a criminal act in the criminal legislation of pre-revolutionary Russia

***Аннотация.** В статье исследуются подходы российского законодателя к регулированию насилия как конструктивного и квалифицирующего признака в уголовном праве дореволюционной России (до 1917 г.). Автор анализирует в этом контексте основные правовые акты, определявшие уголовно-правовые отношения на разных этапах отечественной истории (Русская Правда, Соборное уложение, Артикул воинский, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Уголовное уложение и др.).*

***Ключевые слова:** насилие, конструктивный признак, квалифицирующий признак, закон, уложение, степень насилия, телесные повреждения, наказание.*

***Abstract.** This article explores the approach of the Russian legislator to regulate violence as a constructive and aggravating circumstance in criminal law pre-revolutionary Russia (up to 1917). The author analyzes in the context of the main legal acts determined by the criminal-law relationship at different stages of the country's history (Russian Truth, Conciliar code, Marking military, of the Penal Code penal and correctional, criminal code, etc.). The conclusion is that violence as a structural feature of a criminal act took place in the most ancient instruments, but violence as a qualifying attribute was released and reflected only the Catholic Code of 1649 with the most perfect legal-technical point of view, a sign of the violence has been regulated in the Criminal the Code of 1903, for the first time clearly distinguished both physical and mental violence. However, in the General part of criminal law and a sign of the violence was not reflected.*

***Keywords:** violence, structural feature qualifying sign-extending the law, the Code, the degree of violence, bodily harm, punishment.*

Преступность как социально-опасное явление сопровождает человеческое сообщество с самого начала его существования, в том числе, скорее всего, в древности преступления, совершаемые с применением насилия преоб-

ладали над ненасильственными преступлениями. Соответственно, в первых же дошедших до нас уголовных законах имеется упоминание о данном виде преступного поведения, и Россия в этом смысле не является исключением. Так, уже в Русской Правде[1] имеется ряд норм, регулирующих составы преступлений, предусматривавших насильственные действия (например, повреждение ноги или руки).

Однако для дальнейшего анализа исторического развития понятия «насилие» в уголовном праве дореволюционной России мы считаем нужным сделать существенную оговорку. Дело в том, что насильственные действия в рамках физического и психического насилия могут:

1) составлять конструктивный признак преступления (например, причинение тяжкого вреда здоровью, или угроза убийством), то есть, быть самостоятельным законченным преступлением либо обязательной частью диспозиции (например, при совершении разбоя нападение с целью хищения имущества включает в себя насилие, опасное для жизни и здоровья);

2) составлять квалифицирующий признак преступления, отягчающий наказание за его совершение (например, применение физического насилия при вымогательстве).

При этом по действующему российскому уголовному законодательству понятие «насилие» используется, прежде всего, второй вариант, то есть, оно используется как способ совершения преступления и является соответствующим квалифицирующим признаком, что находит отражение в Особенной части уголовного закона. При этом, чаще всего, преступник применяет насилие для облегчения в достижении преступной цели. Соответственно, разделяются деяния, которые, сами по себе, могут быть совершены не иначе как путем насилия с соответствующим объектом преступления [2, с. 64] (убийство, причинение вреда здоровью, изнасилование, незаконное лишение свободы, разбой и др.), и деяния, совершаемые с *применением насилия*. Именно в таком понимании категории «насилие» мы рассматриваем с точки зрения ее развития в российском уголовном законодательства до 1917 г.

Исходя из этого, следует иметь в виду, что ответственность за насильственные преступные деяния всегда имели место в истории российского уголовного законодательства, но «насилие» как самостоятельный уголовно-правовой признак стало выделяться законодателем сравнительно поздно, а на системном уровне стал регулироваться и, вовсе, только в завершающий период функционирования Российской империи. И, в этом смысле, например, та же Русская правда не знает отграничения простой татьбы от татьбы с применением насилия (то есть, от грабежа и разбоя) [3, с. 7-8], хотя, фактически, вероятно, насильственная татьба каралась строже. Другое дело, что уровень законодательной техники довольно долго не позволял вычленить насилие как самостоятельную уголовно-правовую категорию, и мы не обнаруживаем ее *системного регулирования* в законодательных актах не только Древней Руси, но и Московского государства.

Вместе с тем, начиная с Соборного уложения 1649 г.[4], насилие уже обозначается как самостоятельный признак в ряде нормативных положений Главы У11 («О службе всяких ратных людей Московского государства»), в частности, в ст. 22 данной главы указывается: «А будет кто служилые люди ... учнут у кого конския кормы и хлебныя запасы имати *насильством*...». Заслуживает также внимание ст. 30 этой же главы Соборного уложения: «А будет кто ратные люди ...учнут ставится по деревням во дворах, или в гумнах, и станут грабити, и учинят смертное убойство, или женьскому полу *насильство* ... или ис прудов *насилством* рыбу выловят, или иное какое *насильство* кому зделают ... и тех за смертное убойство и за *насильство* женскому полу казнити смертию. А за иное за всякое *насильство* и за грабежь чинити им наказание, смотря по вине».

Как видно, в Соборном уложении насилие уже выделяется как конструктивный признак преступления (изнасилование), так и как квалифицирующий признак преступления (хищение чужого имущества). В следующем крупном законодательном акте – Артикуле воинском 1715 г.[5] признак насилия используется в том же ключе, что и в Соборном уложении, но заметно чаще. Так, согласно арт. 108, «Такожде никто другаго квартиру, которая ему назначена, грабить, или у другаго добычь *насильством* отнять да не дерзает». За это полагалось «жестокое» наказание, правда, без конкретики (смотря по «изобретению и состоянию дела»). В соответствии с арт. 166, запрещалось мужеложство, и если данное деяние «*насильством* учинено», то виновные должны были быть наказаны «смертию или наказать вечно на галеру ссылкой».

Еще одна характерная норм рассматриваемого акта содержится в арт.182: «Никто бы, ниже офицер или солдат не дерзал никакогоб человека *насилить* и грабить, или что *силою* отнимать, хоть в походе чрез землю, хоть на улице, хоть в обозе, крепостях, городех, и деревнях». За такие деяния следовали телесные наказания или смерть. Если «кто насильно отнимет» в церкви что-либо, или что-нибудь из провианта, который в обозе в крепость направляется, то согласно арт. 186 должно быть «тело его на колесо положено», то есть предусматривалась квалифицированная смертная казнь.

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель довольно четко усиливает наказание за преступления, совершаемые «насильством», «силою», то есть, можно считать, что законодатель выделяет данный уголовно-правовой признак, придавая ему вполне осмысленное значение как признака, отягчающего деяние и соответственно ужесточающего наказание за совершение такого деяния.

Крупнейшим уголовным законом Российской империи стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (мы его рассматриваем в редакции 1885 г. [6]). Однако ожидаемых законодательных обобщений признака насилия здесь не происходит, несмотря на наличие общей части уголовного закона (Раздел первый «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще»). Так, в ст. 129 дается перечень обстоятельств, увеличивающих вину и наказание, и в десяти соответствующих основаниях ничего не говорит-

ся о насилии. И лишь косвенно законодатель предполагает насилие в п.7, где указывается, что вина преступника увеличивается по мере того, «чем более было жестокости, гнусности и безнравственности в действиях, коими сие преступление было предуготовлено, проводимо в исполнение или сопровождается». При наличии этого признака наказание судом могло быть увеличено на одну и более степеней и даже могло быть назначено иное, более строгое, наказание.

В Особенной части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных признак насилия законодателем закрепляется и регулируется, конечно, на более высоком уровне законодательной техники, хотя и в очень громоздких словесных конструкциях. Так, в Разделе втором («О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную») диспозиция ст. 211 выглядит следующим образом: «Кто с обдуманном намерением или умыслом прервет совершаемое в церкви или вне оной богослужение побоями или другими насильственными против Священнослужителей действиями, тот за сие приговаривается...». Здесь насилие использовано как квалифицирующий признак. Санкция – лишение всех прав состояния и ссылка на поселение.

Как конструктивный признак преступления насилие использовано в следующей статье Уложения (ст. 212), в которой устанавливается уголовная ответственность за убийство Священнослужителю во время совершения им службы, а также за нанесение ему также во время службы увечья, раны или побоев. Санкция – лишение всех прав состояния и ссылка в каторжную работу (при убийстве ссылка без срока, при нанесении увечья, раны или побоев – от двенадцати до пятнадцати лет).

Подобным образом законодатель регулирует признак насилия по отношению в другим объектам уголовно-правовой охраны. Так, в ст. 1523 и 1524 определяется ответственность за «растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста» в двух случаях – если «оное было сопровождено насилием» и, соответственно, без насилия (санкции: лишения всех прав состояния и ссылка в каторжные работы от двенадцати до пятнадцати лет с применением насилия и лишение всех прав состояния и ссылка в каторжные работы на срок от восьми до десяти лет без применения насилия).

Особенность регулирования насилия как квалифицирующего признака в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных заключается в том, что этом акте в указанных и в других составах преступлений степень насилия не дифференцируется. Вместе с тем, когда насилие используется как конструктивный признак преступления, то такая дифференциация имеет место, в частности, ответственность за преступления в виде умышленного нанесения телесных повреждений дифференцируется в зависимости от вида таких повреждений - увечья, раны и иного расстройства здоровья; в свою очередь, увечье могло быть «тяжкое» (ст. 1477), «менее тяжкое» (ст. 1478), рана разделялась на «тяжелую рану» (ст. 1481) и «легкую рану» (ст. 1482). При этом терминология не всегда строго выдерживалась в разных главах Уложения, что создавало определенную путаницу. Отсутствовали также

единые критерии определения вида и степени тяжести телесных повреждений.

В 1903 г. был принят последний уголовный закон Российской империи – Уголовное уложение [7]. Здесь уровень обобщения законодательных норм в части регулирования признака насилия в Общей части этого закона принципиально не изменился, но в Особенной части он стал заметно выше. При этом нужно иметь в виду, что Уголовное уложение не было полностью введено в действие, в том числе это касается Главы XXII «О лишении жизни» и Главы XXIII «О телесном повреждении и насилии над личностью». Тем не менее, сами по себе, нормы представляют интерес.

Так, диспозиция статьи о прерывании богослужения с применением насилия как квалифицирующего признака здесь выглядела следующим образом: «Винновный в воспрепятствовании, посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы, совершению богослужения или обряда, установленных правилами, признанного в России вероисповедания, к коему принадлежит принуждаемый, или к участию в таком богослужении». Санкция – тюремное заключение на срок не менее трех месяцев. Как видно, здесь, в отличие от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, уже выделяется психическое насилие. Умышленное причинение вреда здоровью как самостоятельное преступление (насилие как конструктивный признак) дифференцировалось в зависимости от тяжести последствий (легкие, тяжкие, весьма тяжкие), и, в целом, законодательный подход к регулированию насилия как конструктивного и как квалифицирующего признака обрел черты, которые имеют место и в современном российском уголовном законе.

Литература.

1. Русская Правда // Российское законодательство X-XX веков. Том первый. М.: Издат. Юридическая лит-ра, 1984. С. 47-53.

2. Упоров И., Хун А. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различие со сходными понятиями // Уголовное право. 2003. № 4. С. 64.

3. Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж): историко-догматическое исследование. СПб., 1880. С. 7-8.

4. Соборное уложение 1649 г. Комментарии / Под ред. А.Г. Манькова. М., 1990.

5. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 4. М.: Издат. Юрид. литература, 1986.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ред. 1885 г.) // Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб, 1909.

7. Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. СПб., 1904.

Literature.

1. True Russian // Russian legislation X-XX centuries. Volume One. M.: Izdat. Legal lit-ra, 1984, pp 47-53.

2. Uporov I., A. Hong object of criminal legal relations: the content and the difference with similar concepts // Criminal Law. 2003. № 4. С. 64.

3. *J. Thalberg abduction of Russian property law (robbery and burglary): Historical and dogmatic study.* SPb., 1880. S. 7-8.

4. *The Council's Code of 1649 Comments* / Ed. AG Mankova. M., 1990.

5. *Marking military 1715 // Russian legislation X-XX centuries.* 4. T. M.: Izdat. Jurid.Literature, 1986.

6. *of the Penal Code and Criminal Corrections 1845 (Ed. 1885) // Laws of the Russian Empire.* T. 15. St. Petersburg, 1909.

7. *The criminal code by March 22, 1903* St. Petersburg., 1904.